

Цахкадзорские пансионаты принимают в эти дни новую волну беженцев. На сей раз — из Геташена. Только в одном из пансионатов — «Нареке», где мне довелось побывать, разместились 300 депортированных из родного села геташенцев. А всего их в Цахкадзоре — уже более тысячи. Смотрю на усталые, измученные лица людей, прошедших ад, и вспоминаю январский Баку 1990 года, из которого сам чудом вырвался. Опять резня, грабежи, поджоги. Опять покинутые дома, могилы предков... В дни бакинских погромов еще не существовало официальных подразделений громил — этих современных зондеркоманд под названием ОМОН, которые орудовали в Геташене, но почерк профессиональных убийц из отрядов милиции особого назначения очень напоминает кровавые автографы, оставленные тысячами бакинских погромщиков. И там, и здесь действовали бандиты одной выучки.

И все же геташенское преступление, существенно отличается от трагедии в Баку. Если в тот «черный» прошлогодний январь внутренние войска МВД СССР были лишь пассивными наблюдателями творимых зверств, то ныне стали активными участниками «операции», начатой (по иронии судьбы или чьему-то злему умыслу) в самый канун Дня международной солидарности трудящихся. В операции, в ходе которой проявилась полная солидарность союзных войск с омовскими бандитами, родилось новое братство по оружию, скрепленное кровью мирных жителей.

А теперь я хочу предоставить слово самим геташенцам. Все они — и жертвы, и свидетели совершенного преступления. Их рассказам нельзя не верить, хотя многое из того, что я услышал от них, кажется невероятным, не укладывается в сознании. Но это — факты, изобличающие преступников, факты, которые должны знать все.

Михаил ДЖАМБАРЯН:

29 апреля в 6 часов вечера начался интенсивный обстрел села окружившими его войсками. Обстрел, очень напоминающий подготовку перед решающим штурмом, продолжался до 4 часов утра 30 апреля. А потом внутренние войска, а за ними омовцы вошли в село. Танки шли, как в бой, сметая все на своем пути. Омовцы врвались в дома вместе с мародерами из ближайших азербайджанских деревень. Они убивали, жгли, грабили. Убивали со словами: «Независимость хочешь? Получай!» Ударами топора был зарублен Мельсик Согомоян. Больную 70-летнюю Рипсимэ Минасян, лежавшую дома, застрелили прямо в постели. В этот день были убиты и Арамаис Авакян, Бениамин Гянджумян, Валерий Назарян, Папик Заргарян, Оганес Ахумян, Папик Сейранян — всего 12 человек. Около 50 человек взяли в заложники. Солдаты издевались над нами отнюдь не меньше, чем омовцы. Всех мужчин собрали в центре села, выстроили в три ряда и приказали не шевелиться, угрожая расстрелом. Женщин и детей загоняли в подвалы, а потом грозили всех их сжечь.

Кнарк ЧИТЧЯН: Когда омовцы ворвались в наш дом, меня не было. Схватили мужа, сутки держали его, пока не произошел обмен заложниками. Тот кошмар, свидетельницей которого я была, будет помниться мне всю жизнь. Село обстреливали из танков, гранатометов, огневой дождь обрушился на Геташен боевые вертолеты. Мощные танковые залпы до основания разрушили нашу церковь. Почти все дома были уничтожены, а сколько людей пострадало! Автоматными очередями били по рукам, ногам. С Межлума Чилингаряна омовцы сняли скальп. Он сейчас в тяжелом состоянии находится в больнице. На наши крики о помощи какой-то офицер внутренних войск пожал плечами и сказал: «А почему вы до сих пор здесь, не уезжаете? Ведь здесь азербайджанская земля».

Двое суток раненые оставались без помощи — вертолету из Еревана не разрешили их забрать. И только 2 мая за ранеными прибыл бронетранспортер из Шаумяновского района. Еще спустя три дня — 5 мая три вертолета вывезли, наконец, детей. А 6-го началась эвакуация остального населения. Уезжали, оставив все свое имущество бандитам и грабителям. В лучшем случае удавалось прихватить с собой маленькую сумку, а иные и этого не могли сделать. Некоторым из нас омовцы предлагали погрузить вещи в машину, гарантируя достав-

ку груза в нужное место. Кто-то поверил и согласился. Погрузку вещей фотографировали, видимо, для того, чтобы потом опубликовать эти снимки в газетах как свидетельство уважительного отношения к эвакуированным. Но то был очередной обман. Проехав 100—200 метров, машина останавливалась и начинался грабеж.

Для местных теле- и фотожурналистов было организовано еще одно постыдное зрелище. Власть Ханларского района (в его состав входит Геташен), присутствовавшие при эвакуации, изобразив на лице некое подобие улыбки, давали геташенцам в дорогу хлеб и сыр. Причем людей предупреждали: «Не возьмешь, откажешься — получишь пулю в лоб». Страшно было смотреть на эти «проводы». Они бы с удовольствием всех нас проводили на тот свет, но приказа соответствующего не было. Моя сестра Сильва слышала, как майор-омовец, наблюдая за эвакуацией, сказал своему приятелю: «Эх, перестрелять бы их всех».

Ася АТАНЕСЯН: Наш дом — на краю села. Поэтому, когда вечером 29 апреля начался обстрел, я ушла ночевать к сестре — ближе к центру. Утром вернулась домой. Через некоторое время услышала крики и лай собак. В дом ворвались 15—20 омовцев с собаками. Трое или четверо схватили мужа и увели его, а остальные стали искать драгоценности. Увидев на мне серьги, потребовали, чтобы я сняла их. Я знала, что если откажусь, они могут мне просто отрезать уши и поэтому сама сняла и отдала серьги. Забрали кольца, деньги, все, что было в доме ценного, дорогого и ушли. Бог с ними, с ценностями, но вот, что стало с мужем — Рачиком, так и не знаю. Потом мне рассказывали очевидцы, что в него стреляли из автомата — по ногам, чтобы он не мог убежать. Искали его тело среди убитых — не нашли. Не знаю ничего и о судьбе брата — Михаила Сафаряна. Он был взят в заложники, но вот жив ли? Ведь и заложников убивали.

Аркадий НАЛБАНДЯН: Я был среди заложников, схваченных 30 апреля в центре села, куда я пришел, как и другие, имея на руках паспорт — ведь говорили, что будет паспортизация или проверка паспортного режима. А на деле...

Нас всех (25—30 человек) втолкнули в автобус и повез-

ли в Камо. Причем нам еще повезло. Трех раздели почти донага, оставив лишь трусы и майки, и заставили идти в Камо пешком. Из Камо нас перебросили в Аджикенд. Там и начались издевательства, пытки. Да, да — пытки. Нас избивали и омовцы, и солдаты внутренних войск. Среди нас был один инвалид с костылем. Так вот его били этим самым костылем. Когда им надоело нас бить, они устроили для себя такую забаву. «Бейте друг друга, — приказал нам какой-то чин, угрожая в случае неподчинения расстрелять на месте. И мы под дулами автоматов вынуждены были драться друг с другом на потеху нашим мучителям. Издевательствам не было конца «Открой рот!» — следовала команда, и когда кто-то исполнял ее, омовцы плевали ему в рот. Людей заставляли облизывать подметки своей обуви.

Один из заложников, не в силах обходиться без курева, попросил дать ему сигаре-

ВАРВАРЫ

ту. Эта просьба дала палачам повод для новой «шутки». Стали заставлять нас есть сигареты — прожевывать и глотать. От такой «еды» людей выворачивало наизнанку. Около двух суток держали нас в заложниках, потом обменяли.

Владимир ГЕВОРКЯН: 15 заложников переодели в военную форму, дали им в руки автоматы и в таком виде сфотографировали. Чем не боевики? Можно пустить эту фотографию в печать и никто ничего не заподозрит. Среди этих «боевиков» был и мой двоюродный брат Николай. Судьба этих 15 заложников неизвестна. Может быть, их уже нет в живых.

Хочу сказать и о том, что творилось при эвакуации. Рядом с вертолетом, на котором отправляли геташенцев в Степанакерт, стоял «черный ворон». Одних (это зависело целиком от желания омовцев) сажали в вертолет, а других, имевших вроде бы подозрительный вид, — в «черный ворон», направлявшийся в Кировабад. Что ждало этих несчастных в Кировабаде, предположить было трудно. Перед тем, как посадить нас в вертолет, меня — 60-летнего человека, и многих других заставили два часа стоять на коленях буквально в нескольких метрах от готовой к отлету машины. Причем делалось это по приказу руководившего посадкой военного коменданта Ханлара. Пришлось пройти и через эту пытку, выдержать ее. Слава Богу, что теперь весь этот кошмар позади. Будем начинать жизнь заново.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я мог бы привести еще десяток свидетельств, одно страшнее другого. Однако, думаю, и приведенных вполне достаточно, чтобы нарисовать себе реальную картину происшедшего в Геташене. Но вот открываю «Правду» за 13 мая, читаю репортаж Ю. Шабанова «На черной от горя и гнева земле» и глазам своим не верю. Оказывается, всему виной армянские «боевики». Они сами, мол, поджигают дома в армянских селах, а потом трубят, что это сделала армия. Именно так, сказано в статье устами одного армейского офицера, и было это в Чайкенде.

Чайкенд — это Геташен. Правда, в самом Геташене автор статьи не побывал, его туда не пустили азербайджанские милиционеры («буквально в шею затолкали обратно в машину»). С беженцами он тоже не беседовал. Как же в таком случае можно судить о

том, что произошло? Как можно сначала дезинформировать читателя, а потом в финале репортажа незаметной строкой сообщить, что «возвращались мы в Москву, так и не уяснив до конца обстановку на границе»? И дежурная фраза под занавес о том, что пусть воздастся должное тем, кто втянул азербайджанский и армянский народы в братоубийственную войну, отнюдь не свидетельствует об объективности столичного журналиста. Это — лишь попытка закамуфлировать явную ложь, выплеснутую на страницы «Правды».

Когда случился «сумгаит», один из моих коллег по газете «Бакинский рабочий», в которой я тогда работал, сказал шепотком в коридоре: «Теперь история знает три страшных преступления — Хатынь, Лидице и Сумгаит». Потом он никогда уже не повторял этих слов, даже шепотком. Они могли слишком дорого стоить ему. Но в тот момент великого потрясения от содеянного здесь, рядом с Баку, злодеяния он был предельно искренен и говорил (быть может, в последний раз в жизни) то, что думал. С той поры, испугавшись невольной вырвавшегося из глубин сознания крика своей еще не задремавшей совести, он обрек себя на молчание... Наверное, молчит и сейчас.

Всеобщее молчание и стало причиной того, что за три прошедших после «сумгаита» года волна насилия захлестнула всю страну. Красными сигналами бедствия, цветом пролитой крови аспыхнули на карте прежде самые обычные названия городов — Фергана, Новый Узень, Баку, вмиг ставшие синонимами «сумгаита». И вот теперь в этом печальном ряду появилось новое имя — Геташен. Да, армянского села с таким названием практически больше не существует. Оно сожжено, уничтожено. Население частью перебито, частью депортировано. Поражает даже не жестокость, с которой совершалось геташенское преступление. Пережившие «сумгаит» и «баку» все это видели. Поражает цинизм официальных версий, цинизм тех, кто осуществлял руководство операцией, якобы направленной на обезвреживание «боевиков». Ведь если принять эту точку зрения, признать обоснованность подобной акции, оправдать операциями против «боевиков» убийства и репрессии мирных жителей, то мы должны будем оправдать и уничтожение фашистами в годы войны мирных советских сел и деревень, заподозренных в укрытельстве партизан.

Я не хочу проводить здесь никаких аналогий между партизанами и «боевиками». Неоспоримо одно — кощунственна сама мысль о возможности подобных оправдательных аргументов. Почему же не содрогнется страна от кощунств, творимых на нашей земле спустя полвека после того, как были преданы проклятию преступления фашизма?

Приемы из арсенала фашистов мы обнаруживаем сплошь и рядом у нынешних погромщиков и убийц. Одеть заложников в военную форму, вручить оружие и сфотографировать для истории — чем не операция «Гляйвиц», с которой началась вторая мировая война? Заставить людей часами стоять на коленях или с поднятыми вверх руками — это ли не заимствовано из опыта гитлеровских концлагерей? Геташенец Аркадий Налбандян рассказывал мне о том, как омовцы заставляли их — заложников — бить друг друга, подобно гладиаторам, вступающим в смертельную схватку, чтобы доставить удовольствие публике. Так, спустя тысячелетия возрождается на советской земле худший из нравов некогда великого Рима. Как известно, его погубили варвары. Так, может быть, именно варварству, на которое у нас смотрят сквозь пальцы, и суждено погубить нашу страну?

Валерий АСРИЯН.